

евгений
гришковец

ЛЕТО – ЛЕТО И ДРУГИЕ ВРЕМЕНА ГОДА

ODNO
VREM
ENNO

.COM

Евгений Гришковец

**ЛЕТО – ЛЕТО и
другие времена года**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гришковец Е. В.

ЛЕТО – ЛЕТО и другие времена года / Е. В. Гришковец —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-699-93499-7

Дневниковые книги Гришковца основаны на блоге, который Евгений ведёт в интернете. Зачем тогда покупать книгу? Остановиться, листая бумажные страницы, намного проще. Книга даёт возможность управления временем. Прошедшим временем. Скорость жизни сейчас такова, что не успеваешь толком прочувствовать, что-то пролистываешь, что-то оставляешь на потом, что-то стараешься не замечать. В этой книге – возможность заново посмотреть на прошедшие два года. Рассмотреть что-то, что не получилось рассмотреть сразу, удивиться тому, сколько событий они вместили, может как-то иначе расставить акценты. Чуть-чуть замедлиться.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93499-7

© Гришковец Е. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

2014	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Гришковец
ЛЕТО – ЛЕТО и другие времена года

Серия «Гришковец Евгений. Современная проза»

© Евгений Гришковец, 2017

© Серж Савостьянов, обложка, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

2014

26 мая

Хочу поделиться своими очень поверхностными, но яркими впечатлениями о Ташкенте.

Этой поездки я ждал и старался ничего себе не фантазировать, чтобы не было никакого уровня ожиданий и не случилось разочарований. К тому же я и не знал, что мне фантазировать, в каком направлении запускать фантазию. Город детства и юности моего любимого коллеги и друга Игоря Золотовицкого, который всегда говорил и говорит о родном Ташкенте с восторгом и нежностью, город, в котором родились и выросли многие мои знакомые... Это всё весьма образованные и яркие люди, которые по массе причин продолжили свою жизнь не в Ташкенте, очень скучают по городу детства и не хотят туда ехать, опасаясь крушения дорогого им образа. Город, о котором я слышал много самых тёплых и сладких историй. Город притягательный, желанный и аппетитный... совершенно не сочетался с тем городом, откуда ежедневно прилетают и прилетают тысячи людей, которым мы не рады и которые не рады нам... Люди, которые едут в непонятное им пространство заниматься тяжёлой, чаще всего грязной работой и жить в нечеловеческих условиях.

Так что летел я, стараясь не думать о том, что меня ждёт, а думать о том, кто меня там встретит... Я только приказал себе не ждать ничего особо экзотического и быть настроенным открыто и дружелюбно.

Летел из Калининграда в Ташкент «Узбекскими авиалиниями». Самолёт был довольно новый, чистый, стюардессы русские, пилоты, судя по фамилиям, – тоже. В Ташкент летело немного людей, а вот из Ташкента, стюардессы сказали, борт был полон.

Экзотика началась с объявления. В самолёте объявили стандартное: что курение запрещено в течение всего полёта, а также запрещено употребление и жевание насвая. На английский объявление не переводили. Я заинтересовался, и весёлая стюардесса объяснила, обратившись почему-то на «ты»: «Ты не знаешь насвая? Это типа табака. Они его жуют или сосут». Я поинтересовался, чем это может помешать полёту.

«Так они его плюют на пол. Где сидят, там и плюют. А если им это запрещается, они плюют его в туалете в рукомойник. И рукомойник забивается».

Лёту было четыре с половиной часа. Последний час я смотрел в иллюминатор. И всё время видел под собой коричневое пространство. Видимо, невысокие горы, без зелени и, наверное, без людей. Снежных вершин тоже не было.

Паспортный контроль прошёл быстро. Я знал, что меня должен встречать замечательный узбекский актёр Шухрат Иргашев. Игорь Золотовицкий попросил его встретить меня и позаботиться.

Чемодан я ждал час сорок. Все уже так или иначе получили багаж, и я остался один в небольшом помещении, вместе с пограничником. Никто не проявлял беспокойства, кроме меня. Маленького роста, очень смуглый пограничник с большим интересом смотрел фильм. В итоге мы посмотрели его вместе практически до конца.

В фильме пять или шесть американских спецназовцев непрерывно убивали афганских моджахедов. Американцы тоже гибли, но моджахедов они крошили десятками. Я знаю, что многие моджахеды – этнические узбеки, но ташкентский пограничник смотрел фильм с удовольствием.

Через час ожидания я взбеленился и обратился к пограничнику с просьбой выяснить судьбу моего чемодана. И тут понял, понял сразу, что узбек в форме и фуражке – совсем не тот

узбек, который готовит плов или наливает вам чай. Я вспомнил своих сослуживцев-узбеков, которые, получив хотя бы одну лычку на погоны, изменялись до неузнаваемости и становились, в сущности, страшными людьми...

Узбекский пограничник сказал: «Чё тебе нада?! Я тебе паспорт хорошо проверил?! Ну и сиди спокойно!»

Таможенник порекомендовал позвонить по местному стационарному телефону и узнать про чемодан. Я позвонил. Мне ответил молодой женский голос. Девушка-диспетчер что-то лепетала, и когда я спросил напрямую: «Вы что, мой чемодан потеряли?» – получил гениальный ответ: «Нет, что вы! Мы его ищем».

Это был единственный неприятный эпизод моей поездки. Получив чемодан почти через два часа после прилёта, я вышел на знойный и ароматный воздух, меня встретил чудесный человек, народный артист Узбекистана Шухрат Иргашев, и мы поехали в город...

Я специально не ел в самолёте, потому что хотел вкусно поесть на месте. Про Ташкент все без исключения говорят, что в мире мало более вкусных городов. Разумеется, я хотел плова, но выяснилось, что вечером поесть плова не так уж просто, точнее, почти невозможно, потому что плов – не вечерняя еда. Мало того, я узнал, что плов – утренняя еда. Мне объяснили, что до недавних времён плов начинали есть на рассвете, то есть летом – с четырёх часов утра. Не так давно это законодательно запретили, и теперь плов в общественных местах едят не раньше семи... А потом на работу. Плохо себе представляю работу после плова, но узбекам как авторам плова виднее. (Хотя узбеки утверждают, что плов придумали в восточном походе в армии Александра Македонского.)

Но для меня вечером плов приготовили, и я понял, что надо поаккуратнее с высказыванием желаний, потому что их будут моментально и неукоснительно исполнять или пытаться исполнить.

Мой первый в Ташкенте плов был прекрасен! Я понял, что прежде и не ел плова. Тот плов был, как мне сказали, чайханский, то есть самый простой, без изюма, гороха и чего-либо ещё. Только баранина, рис, жёлтая морковь и специи. Очень подозреваю, что в плов добавляют что-то, что на плов подсаживает. Потому что оставшиеся дни, при всём многообразии выбора, я хотел именно плова, а после того как улетел из Ташкента, у меня случилось что-то вроде пловной ломки. В Иркутске и Чите то, что выдавали за плов, таковым не являлось, а ничего другого я некоторое время не желал.

Не буду рассказывать про их гостеприимство, культуру застолья и трапезы, невообразимое разнообразие всякой еды, от супа до сладостей. Не буду рассказывать о своих впечатлениях от рынка, к тому же Шухрат всё время говорил, что рынок уже не тот, город не тот, всё не то... Не буду также воспроизводить яркую галерею типажей и образов людей, которых довелось там увидеть. Не буду рассказывать про забавную, наивную и очень провинциальную ночную жизнь молодёжного Ташкента... Это надо видеть самому. Гарантирую, что всё понравится. И также гарантирую, что нам там рады. Вот только напоминаю, что узбек в форме и погонах – это особый узбек, даже по отношению к другим узбекам...

У меня была творческая встреча в легендарном театре «Ильхом». Про «Ильхом» я слышал давно. Те, кто бывал в Ташкенте и бывал в этом театре, гордились. В 90-е годы «Ильхом» был легендой независимого студийного театра. Я, конечно же, хотел побывать на его сцене. Счастлив, что побывал. Рад, что удалось немного помочь коллегам: билеты они продали все и быстро. От гонорара я отказался. Во-первых, творческая встреча – это не спектакль, а во-вторых, я приехал в Ташкент для радости и отдыха.

Люди собрались очень хорошие, разного возраста, разных национальностей. Я пока совсем не разбираюсь в ташкентской специфике и не могу понять по лицам и акценту, кто со мной говорит...

Я прочитал добрую половину спектакля «Прощание с бумагой», который мне не удастся привезти в Ташкент. Почитал новые маленькие тексты, ответил на вопросы. А вопросов было много, и всё хорошие: не формальные, а подлинные и глубокие.

Теперь очень хочу приехать в Ташкент с полноценным спектаклем, правда, декорации привезти не получится, но у меня есть и лёгкие в этом смысле спектакли. Хочу встретиться с более широкой ташкентской публикой и своей команде показать Ташкент.

Мне молодой узбек задал вопрос: ощущаю ли я себя русским в некоем русском пространстве, находясь в Ташкенте, разговаривая на русском языке. В его вопросе и интонации был определённый намёк на имперское сознание. Я ответил, что я не то что ощущаю, а я знаю, что я русский в столице Узбекистана. Но туристом я здесь себя не чувствую и не почувствую. По этой причине, в отличие от массы европейцев и американцев, которые приезжают в Ташкент, Бухару и Самарканд и беспрерывно фотографируют всё подряд, от ишака до минаретов, я здесь фотографировать не хочу, потому что фотография ничего не передаст, да и я здесь хоть и в первый, но определённо не в последний раз. Я нахожусь не на чужой земле, в другой, но не чуждой культуре, и хоть я здесь не дома, а в гостях, в гости ходят не туристы, а друзья.

В Ташкенте прекрасно отпраздновали 9 Мая. Не пафосно, но как-то хорошо и правильно. Был красивый салют, много людей гуляли, очень щедро накрыли столы для ветеранов и пожилых людей. Много молодых людей ходили с георгиевскими ленточками. Также видел молодых людей с медалями: за какие-то узбекские заслуги, но на праздник они их надели. Праздник я в Ташкенте почувствовал.

Вообще в Ташкент на майские приехало много люда из России. Видел инфернальное зрелище: 10 мая, утром, в лобби гостиницы наблюдал за соседними столиками Сергея Шнурова и Стаса Михайлова. Они не были в одной компании, не общались, но видеть их в одном помещении забавно. Хотя... Есть люди, которые Михайлова и Шнура поют в караоке через запятую.

Спросил Сергея, зачем он здесь. Он сказал, что предпринял путешествие с женой по Казахстану и Узбекистану. Со Стасом я не знаком и не намерен. Но цель его присутствия была понятна по большим афишам, которыми был увешан весь город. Надо отдать должное ташкентцам: на концерт было куплено меньше половины билетов, я поинтересовался.

Улетел из Ташкента в Иркутск с таким количеством вопросов к этому городу, этому пространству и к самому себе!.. Много всего всколыхнулось во мне в Ташкенте. Всколыхнулись отголоски прежних лет, я вспомнил и остро почувствовал своё прежнее ощущение мироустройства и миропорядка, в котором Ташкент был частью большой, доступной и родной страны... Я непременно и как можно скорее хочу снова туда. И только когда снова побываю, смогу лучше написать о Ташкенте и, даст бог, других узбекских городах.

Из знойного Ташкента прилетел в заснеженный Иркутск. На пограничном контроле злующая девица в погонах, листая мой паспорт, спросила: «С какой целью вы были в марте в Грузии?» Занятный вопрос, заданный человеку, прилетевшему в мае из Ташкента в Иркутск.

28 мая

Сегодня ходил с сыном на «Годзиллу». Сам про себя тихонечко много смеялся, Саша смотрел серьёзно. Собственно, фильм адресован людям не старше тринадцати, а также тем, кто своих детей готов на такой фильм сопроводить и с большим удовольствием наблюдать не за смешным Годзиллой, а за собственным чадом, относящимся к Годзилле серьёзно.

Смотрел на то, с каким удовольствием американские кинематографисты разрушают свои города. В этот раз эффектно разрушили Сан-Франциско. Красиво рушатся небоскрёбы, красиво ломаются огромные вантовые мосты – и как же некрасиво в новостях разрушаются частные домишки или школьные здания из силикатного кирпича в Донецке и Донецкой области.

Как красиво – и всё красивее – разрушают в кино американцы свои мегаполисы и как некрасиво они же разрушают другие страны...

Утром вылетаю в Москву, вечером там концерт с «Мгзавреби». Опять будем много говорить с грузинами об Украине. У Гиги жена родом из Донецка, тёща там живёт. Поговорим – и пойдём играть концерт. Два часа музыки, дружбы и любви.

31 мая у меня спектакль в Оренбурге. Был в этом городе только однажды, впечатление осталось несколько размытое и невнятное. Что-то там случилось неприятное, но сейчас уже не помню. Очень хочу в этот раз многое уточнить и исправить впечатление. После Оренбурга будут знакомые поволжские города. Так начнётся моё лето.

Ещё хотел сказать немножко о Китае, который меня потряс. Не восхитил, не напугал, не разочаровал, а именно потряс. И хоть в Китай я вошёл как в бездонный океан, даже не по щиколотку, а, можно сказать, коснулся его поверхности пальцем, но взбудоражен я серьёзно. Всё для меня оказалось неожиданным. Я провёл около семи часов в приграничном городе Хэйхэ. Город настолько приграничный, что его хорошо видно с нашей стороны даже невооружённым глазом. Стоишь на берегу Амура и смотришь на Китай. А у них на самом берегу большой парк аттракционов со здоровенным колесом обозрения. Крутится колесо, смотрят на нас китайцы сверху вниз, из люлек...

Расстояние между нами – неширокая река Амур. Расстояние между нашими культурами, представлениями о мире, ощущение земли, на которой живём, – бесконечно.

Я много раз видел китайцев в Хабаровске и Владивостоке. Видел на рынках, на стройках, в гостиницах, видел совсем небогатых и тех, кто дорого одет. Видел китайцев в Париже, атакующих дорогие магазины. Правда, мне тут же говорили, что эти китайцы не с материка, а с Тайваня.

Я всегда знал, что китайское – плохое, дешёвое и некачественное. Похожее на настоящее, но фальшивка. Сделано в Китае – значит сделано не очень.

С самого детства я боялся китайцев, которых к тому моменту не видел, но в Кемерово частенько можно было слышать, что Китай рядом и что до нас доберутся если не в первую очередь, то скоро. Я всегда знал, что китайцев очень и очень много. Китай тогда был страшным, тёмным, обязательно голодным и обязательно опасным. Анекдотов про китайскую бедность и многолюдность было множество...

Представления о Китае менялись вместе со мной, но какие-то были с самого детства. В детстве никаких представлений о Новой Зеландии, Австралии или Канаде у меня не было. О Португалии не было. О Дании и Голландии не было, а о Китае были. И вот все накопленные за всю жизнь представления о Китае, от страшной, голодной, густонаселённой и нищей страны до площади Тяньаньмэнь, а потом – до экономического чуда и первой экономики мира... Всё это оказалось совсем не похоже на то, что я там встретил, точнее, на то, что там встретило меня...

Напомню, я побывал совсем немного в небольшом, по меркам Китая, городишке на периферии этой великой страны.

Та еда, которую мы едим у себя или в Европе как китайскую, не имеет ничего общего с тем, как и что едят сами китайцы. Я поел там два раза совсем в нетуристических местах. В первый раз я был в шоке и восторге от вкуса, разнообразия и даже ощущения насыщения едой. А второй раз я, скажем, был озадачен тем, что было предложено. Не буду описывать ни еду, ни способы её подачи, а также употребления. Одно могу сказать: еда для китайцев дело невероятно серьёзное, и культура еды потрясает воображение. Такой безупречной чистоты и во всех смыслах недешёвого оснащения заведений, где едят китайцы средней руки, я мало где видел в мире. Конечно, я не бывал в бедных или нищих районах, которые, конечно же, есть, но я был во вполне средних заведениях.

Два часа я провёл в бане, не туристической, а в той, куда ходят китайцы. Как я понял, ходят часто и нередко семьями. Такого я вообще нигде и никогда не видел, и это тоже большая и давняя культура. По сравнению с самыми дорогими банями, какие я видел в России у провинциальных олигархов, китайская общественная баня просто Версаль, в котором всё продумано, всё имеет смысл и всё очень хорошо.

Город Хэйхэ не красивый и не некрасивый, в нём об архитектуре говорить не приходится. Ясно, что город построен быстро, по российским меркам моментально: меньше чем за тридцать лет. Построен не особенно основательно и с лёгким отношением к самому явлению города. Не на века. Не тщательно. Однако за внешним невыразительным фасадом может скрываться весьма глубокое и насыщенное содержание. А в этом содержании всё понамешано...

Как же у них там всё понамешано! В одном помещении, которое, кажется, высечено из цельного куска мрамора, может соседствовать космической красоты ваза, тончайшая, полупрозрачная, нефритовая статуэтка, удивительной красоты вырезанная из дерева рыба и нелепый, дурацкий и пахнущий линолеумом диван. При этом на красивой мраморной стене может висеть дикий календарь, будто купленный в Египте или на рынке в Анапе. Много чего-то пластмассового, блестящего, дурацкого. Что-нибудь смешнее китайской рекламы и афиш китайских боевиков сложно найти.

Их бытовые представления о красоте, о европейском и американском так наивны, смешны, нелепы и часто безобразны, что диву даёшься! И в такие моменты нужно самому себе говорить, что их сознание совсем иное, но это то сознание, которое способно создать выдающуюся красоту, которую как красоту они, очевидно, часто не замечают.

С первой секунды моего пребывания за рекой Амур меня удивило то, что является самой простой и убедительной иллюстрацией состояния страны: меня удивило, насколько хорошо, по сравнению с нашими пограничниками и таможенниками, одеты китайские таможенники и пограничники. Хорошие ткани, убедительные модели и крой одежды, красивые фуражки, добротные пуговицы. Очень хорошая обувь. У них нормальная осанка, строгие лица и отличные очки на этих лицах. А ещё эти таможенники и пограничники работают быстро, эффективно, и они совсем-совсем не милые.

Они столь не милые к нашему брату из-за реки, что российские их коллеги могут показаться ангелами. А с какой стати им быть с нами милыми? Это мы к ним идём зимой по амурскому льду, а летом плывём на утлых теплоходиках. Это нам чего-то надо, причём по мелочи. А им надо по-крупному...

Там, за рекой, мелкими показались многие наши достижения и наши же проблемы. Маленьким увиделся самый большой наш мост на Русский остров. Смешными увиделись жалкие башенки Москвы-Сити.

Мне всё время говорили, что в Сибири асфальт плохо лежит потому, что очень большие перепады зимних и летних температур. В Ростове и Саратове перепады не такие большие, но асфальт тоже лежит неважно. Плохо лежит, часто вовсе не лежит.

Если мне кто-то будет говорить, что в Благовещенске и Хэйхэ условия для асфальта разные, боюсь, у меня возникнет сильное желание плюнуть этому человеку в бесстыжие глаза. За Амуром у китайцев асфальт лежит.

Хэйхэ город ничем не выразительный, но уж очень он сильно отличается своей городской структурой, широкими, хорошими дорогами, огромным количеством светофоров и прочей городской дорожной разметкой, какой-то очевидной продуманностью, а главное – волей тех, кто этот город построил.

Видимо, весь Китай живёт торговлей. Это тоже важнейшая составляющая китайской жизни. Я заглянул в бесконечный лабиринт китайского шопинга, понял, что я в нём ослепну и оглохну, и не стал углубляться. Так что про это сказать ничего толком не могу. Одно там было

очевидно: дешёвого и плохого в центре Хэйхэ не найти. Наверное, можно найти недорогое и не очень хорошее, но по большей части – недёшево и неплохо.

Наверное, те, кто много бывает в Китае, надо мной посмеются. Но я говорю о том, что мне удалось увидеть, не углубляясь.

Больше всего поразили средние школы. Я их видел две, обе были большие и довольно величественные – их здания напоминают о сталинской архитектуре.

Территории школ прекрасны! Они большие, можно сказать, огромные по сравнению с нашими. Эти территории чудесно организованы. На них я видел и футбольные поля, и баскетбольные площадки, и корты для тенниса и бадминтона – чего только на этих площадках не было! А главное – на них было много детей разного возраста. Я стоял, любовался и слушал этот детский шум, радостнее и прекраснее которого на земле не существует шума. Все дети очень хорошо одеты...

А в Благовещенске во всём городе два дня не было горячей воды...

После этой поездки могу сказать, что мои ощущения и представления о Китае получили огромное развитие, однако понимания не добавили, а опасения скорее усилились. Опасения человека, которому всё равно нужно вернуться на другой берег, потому что только на своём берегу я могу жить.

А как же возросло моё любопытство! Теперь буду ждать следующей поездки – намного сильнее, чем я ждал своего первого посещения краешка Поднебесной.

Но я вернулся на свой берег, и здесь, на нашем берегу, завтра будут отправлены по адресам первые DVD-видеoverсии «Прощания с бумагой». Она наконец готова. Скоро её смогут взять в руки или просто увидеть, в первую очередь те, кто принял участие в её реализации, заранее купив свой экземпляр. Многие заплатили больше, чем требовалось. Я обещал весной выпустить видео, слово сдержать удалось. Всё-таки мы успели это сделать до лета.

Лето! Мы стоим на его пороге. Только у нас есть такое выражение: дожили до лета.

Как хочется, чтобы лето принесло радость, отдохновение и было долгим. Как хочется подвести перед отдыхом итоги рабочего тяжёлого года, который начался, когда прошлое лето закончилось. Как хочется, чтобы эти итоги были утешительными, а лучше попросту хорошими. Как хочется, чтобы не было тягостного ожидания плохих новостей. Как хочется безмятежности. Как часто – и совершенно по-детски – хочется чего-то недостижимого...

3 июня

Хочу сделать несколько коротеньких путевых заметок с берегов Волги. Сейчас я в Самаре, а до этого был в Оренбурге. Очень странное ощущение времени. В Оренбурге плюс два часа, а в Самаре время московское – это всё после недавних великих часовых реформ. Расстояние чуть больше четырёхсот километров – и нá тебе. Во всяком случае, вершителя времени какое-то время не забудут.

Оренбург скорее порадовал. В прошлый раз я был давно, в 2007-м. Было ветрено, холодно, неуютно. Произошло несколько нелепых ситуаций, отвратительно поели в, как тогда нам было сказано, единственно возможном ресторане «Жигули». Теперь город встретил иначе.

Прилетели в Оренбург в шесть утра, было плюс четыре. Упал спать с открытым окном, проснулся от сильного зноя. Оказалось, к полудню было уже плюс двадцать восемь. Вот какие чудеса степного климата.

Город определённо похорошел, выпрямился, подрос. В смысле выпрямились покосившиеся исторические здания, выросла этажность новых домов. Город пострижен травой, выметен дворами. Люди часто и с явной гордостью спрашивают: «Ну как вам у нас?» Да и спектакль прошёл с оглушительным аншлагом, без единого звонка мобильного телефона. В прошлый раз было ровно наоборот. Вот только дороги оставляют желать. По причине дорог решили из

Оренбурга в Самару не ехать, а лететь. Опытные люди сказали, что нужно закладывать на путь автомобилем часов шесть-семь, а долететь можно за полтора часа. Вот мы и полетели. Вылетели из Оренбурга в 7:30 утра, прилетели в Самару в семь утра. Летели на семнадцатиместной машине времени чешского производства. Этакая летающая маршрутка, забавное транспортное средство. Побольше бы таких на подобных расстояниях по всей стране.

Полтора года не был в Самаре, она в очередной раз и огорчила и порадовала. Порадовала прекрасной набережной – по сравнению с той, какой была. Убрали жуткие балаганы вдоль реки. Из тех балаганов всё время доносилась самая мерзкая музыка и самые явные крики. Прежде всё было загажено, замусорено и, прошу прощения, засрано. Теперь набережная чиста, с хорошими дорожками, вдоль неё устраиваются или уже устроены пляжи, я видел, как с большой баржи отсыпали на очередной пляж чистый речной песок. Но самое приятное – это люди, которые теперь пришли на набережную. Прежде таких я на самарской набережной не видел: потоки молодых людей и детей на роликах, велосипедах и других диковинных средствах pedalного, колёсного и колёсно-ножного передвижений. Много вальяжно прогуливающихся, спортивно бегающих или созерцательно сидящих. Людей много. Видно, что они давно этого хотели. И также видно, что им радостно это иметь на месте, а не ехать или лететь куда-то.

Оба спектакля идут с аншлагом, хоть и тот и другой я уже здесь исполнял. Самарская публика и всегда была очаровательной, а нынче она по-летнему нарядная, радостная, свеженькая. Я впервые в Самаре в такие тёплые дни...

Однако весь основной город, в отличие от Оренбурга, покосился и поник. Я о старых улицах Самары, которые определённо составляют лицо этого города... О том, как они могли выглядеть когда-то или как должны выглядеть, можно только догадываться. Многочисленные памятники городской архитектуры находятся в чудовищном состоянии. Трещины, осыпавшаяся штукатурка, липкие побеги, торчащие из фасадов и крыш, осыпавшиеся лепные украшения. Облупившаяся колонна, запылённый, уставший и несчастный кирпич... Многие зияющие дыры и выщерблины прикрыты бесчисленными и в основном отвратительными вывесками или рекламой. Во дворы даже страшно заглядывать... Дороги в большей части города стали только хуже – хотя куда ещё хуже-то!

Трамвайные пути Самары – это особая тема. Они лежат такими волнами, что у не привыкшего к таким путям человека за три остановки запросто разыграется морская болезнь. А самарских детей после местных трамваев никакими американскими горками не удивить.

Вчера из-за того, что практически две ночи провёл почти без сна и в перелётах, после полуночи очень захотел шоколадку с изюмом. Поехал искать. Задача оказалась непростая. В районе гостиницы магазинчики, даже озаглавленные «24 часа», были закрыты. После нескольких неудачных попыток водитель сказал, что на площади Революции есть магазин, который точно работает. Мы приехали на площадь Революции. В архитектурном смысле площадь симпатичная. Магазинчик на одном из углов действительно работал. Возле него жило своей жизнью несколько автомобилей. Я подошёл к магазину и подивился тому, насколько разрушено и заплёвано его крыльцо. В самом магазине было ещё страшнее. Такой замытой по углам грязи и такого запаха грязи я давно не видел даже на самых дальних и тупиковых железнодорожных полустанках, где и поезд-то останавливается не каждые сутки. И таких рыжих, весёлых и шустрых тараканов я тоже давненько в магазинах не видал.

Шоколадку я так и не купил, даже если бы нашёл. В магазине ко мне подошёл странный бородатый маленький человек, а при входе – не менее странная дама, которые озвучили одинаковое предложение. Они предложили мне купить водки или другого алкоголя. С середины восьмидесятых мне такого не предлагали. С тех самых пор, когда всегда можно было взять у таксистов.

Что же говорят самарские жители... А самарские жители хорошо видят то, что новый руководитель, которого прислали им из Мордовии, очень активен, часто демонстрирует сило-

вую близость и дружбу с самой вершиной российской власти. И так же активно создаёт видимость бурной деятельности. Люди в Самаре по этому поводу уже не ропщут. Они привыкли к тому, что именно Самарской губернии и городу каким-то особым образом «везёт» с губернской властью. Последние свои надежды они связывают с тем, что город коренным образом изменится и возродится к восемнадцатому году, к чемпионату мира по футболу. Надеются, но в то же время понимают, что, скорее всего, кроме аэропорта, который сейчас вообще ничему не соответствует и никак не похож на аэропорт миллионного города, а также мерзких спортивных объектов, ничего толком в городе не сделают. Скорее всего, подкрасят и подшаманят фасады нескольких главных улиц, а мусор уберут во дворы... Сделают несколько магистральных дорог и направлений, которые в лучшем случае продержатся в хорошем состоянии до следующей весны. Ещё, конечно, появятся несколько гостиниц, кафе, ресторанов... Но после восемнадцатого года надежд на развитие не останется вовсе. Невесело смотрят в будущее жители Самары. Не понимают они, почему им прислали именно такого руководителя по фамилии Меркушкин.

Я тоже этого не понимаю. Я был в Мордовии, был в Саранске. Я, конечно, не Жерар Депардьё, который, как известно, остался от Саранска в восторге. Меня не встречали с песнями и плясками в аэропорту, и я, в отличие от Жерара, в Саранске пробыл два с лишним дня и работал... Я видел город равномерно залитым жидкой грязью. Я видел страшную жестокую драку на улице практически в самом центре. Я видел, в сущности, убогий и очень провинциальный город, в котором люди, кроме прекрасного собора и имени адмирала Ушакова, ничего про него сказать не могли. На спектакле в Саранске было чуть больше половины зала, было видно, что люди не привыкли ходить в театр. В целом столица Мордовии произвела впечатление чего-то даже не провинциального, а скорее периферийного. А аэропорт Саранска – это что-то особенное. Я такого никогда не видел, потому что такого нет нигде. Где есть такой аэропорт, в котором в отдельном здании ты регистрируешься, сдаёшь багаж и проходишь все досмотры, а потом садишься в автобус и довольно далеко, через какую-то деревню, едешь к взлётной полосе. Я нисколько не преувеличиваю, именно через деревню. Далеко.

И как же должно быть непонятно людям во многих больших городах России, почему часть чемпионата мира по футболу отдали Саранску. Что это? Неужели кто-то действительно рассчитывает сделать из Саранска туристическо-спортивный центр? Кто будет жить в тех гостиницах, что построят к чемпионату? Как этот по всем признакам бедный город будет содержать потом спортивные объекты? Зачем они небольшому городку? И кто будет летать во вновь построенный аэропорт? И почему руководителя столь очевидно неуспешного региона поставили на руководство куда более масштабной и непростой Самарской губернией? Совершенно непонятные шахматы с таинственными правилами и тёмными задачами.

Меньше чем через неделю снова буду в Саранске. Очень надеюсь увидеть то, что опровергнет моё первое впечатление. Жду встречи с местной публикой. Жду от них каких-то слов. Если я ошибся, с радостью ошибку признаю и непременно об этом напишу. Однако между Самарой и Саранском меня ещё ждёт Ульяновск...

5 июля

Месяц не вёл дневник. Такого перерыва себе не позволял. Почему так надолго прервался? По разным причинам. Сезон был особо затяжным и трудным. Накапливались темы, и не знал, с какой начать. Писать просто так, по привычке или чтобы напоминать о себе и самому не терять навыков, не хотелось. Вот и затянулась пауза.

За прошедший месяц были длинные и разные по впечатлениям и ощущениям гастроли по Поволжью. Радостное посещение Пензы и печальное впечатление от Саранска. Были завершающие сезон спектакли в Москве и полубоморочный от усталости отъезд на отдых.

Сейчас пишу с полюбившегося в прошлом году острова Корфу. Десять дней я тут и только теперь понимаю, что более-менее пришёл в себя и могу что-то записать в дневнике.

Отсыпался, отъедался, смотрел футбол, смотрел и читал новости, купался, то есть входил в неспешную, нормальную летнюю жизнь.

Перед самым окончанием сезона, 22 июня, сыграл спектакль «Как я съел собаку» в Москве. Этот спектакль мы записали на видео. Ещё зимой понял, что хочу это сделать. А потом понял, что сделать это необходимо.

Первая видеOVERсия этого спектакля была записана одиннадцать лет назад и не то чтобы устарела – документ не может устаревать – просто спектакль и я сильно изменились. А главное, сильно изменилась причина, по которой я продолжаю исполнять свой самый первый спектакль. Очень изменились зрители за те одиннадцать лет, которые спектакль существует. Зрительская аудитория по сравнению со мной сильно помолодела. Новым зрителям спектакля стали непонятны и не близки советские реалии, которые были так естественны чуть больше десяти лет назад.

Когда я делал «Как я съел собаку» в конце 1998 года и начинал его играть, меня увлекала и радовала сама возможность нанизывать на ниточку бесконечные бусинки точных жизненных воспоминаний. Тогда этого никто так не делал. Я видел удивление и радость зрителей, и нашему взаимному удовольствию не было конца... Теперь у этого способа высказывания появилось много последователей, которые сегодня порой и не догадываются о природе первоисточника. Это довольно забавно наблюдать, иногда даже приятно.

Но прошло одиннадцать лет, а с момента создания спектакля больше пятнадцати, и я понимаю, что меня перестали так глубоко интересовать и радовать точные жизненные мелочи... Я внешне и внутренне изменился – если не до неузнаваемости, то глубоко и серьёзно... А спектакль продолжает жить под тем же названием, но наполненный и исполняемый мною другим.

Теперь «Как я съел собаку» – это точно выстроенное и композиционно выверенное произведение, пронизанное одной стержневой темой – темой взросления через встречу человека с государством, и в связи с этим осознания свободы как жизненно необходимой сути.

Спектакль стал длиннее по времени почти на четверть, при этом утратил многие трогательные и любимые зрителями эпизоды. Например, я отказался от истории с кукольными мультфильмами. Почему? Да попросту потому, что те, кому двадцать пять, уже не помнят, что кукольные мультфильмы были издевательством над нашими детскими ожиданиями...

Эта видеOVERсия снималась гораздо более скромным оборудованием, чем те, что были сделаны прежде. Это скорее попытка зафиксировать спектакль в его теперешнем виде и состоянии. Она не будет выпускаться диском. К концу лета монтаж будет завершён, и мы придумаем, как предоставить его тем, кто захочет посмотреть.

В следующем сезоне хочу сделать то же самое со спектаклем «ОдновРЕМЕННО», который весь прошедший сезон в абсолютно обновлённом виде с удовольствием исполнял.

Вот самая важная из моих новостей за последнее время.

Я давным-давно понял, что факт сам по себе никакого значения не имеет, а имеет значение только отношение к факту. Для кого-то важнейшей новостью прошедшего дня является проигрыш команды Бельгии, а для кого-то – победа Аргентины. Люди радуются или, наоборот, пьют с горя где-нибудь в Генте или Брюсселе. Кто-то радуется тому, что над Славянском поднят украинский флаг. А кому-то безразличны и футбол, и Украина. На острове Корфу это очень хорошо заметно. На маленьком для любого русского человека острове – и на большом острове для самих островитян или жителей более мелких островов.

Надеюсь, что именно этот остров позволит мне отключиться или хотя бы снизить градус переживания тех фактов, которые являются важными для меня. Надеюсь, потому что очень

хочу писать здесь... Работать над новым спектаклем, который также, надеюсь, будет важным и нужным кому-то на Родине.

8 июля

На острове Корфу только-только спал дневной зной, и хоть вечерней прохладой ещё не повеяло, но уже вот-вот повеет. Ещё вовсю кричат цикады, но как-то, сам не пойму, как и почему, по каким признакам, чувствуется, что они уже устали шуметь и скоро затихнут для того, чтобы перевести дух и восстановить силы. Тонкое предвечернее летнее время на острове.

Корфиоты, с которыми мы были знакомы в прошлом году, в магазине, на рынке, на пляже узнают нас и радуются. Радуются сильнее и больше, чем если бы просто познакомились. Радуются тому, что видят нас снова... А я думаю, что радуются они потому, что мы, вернувшись на остров, подтверждаем их уверенность в том, что они живут в лучшем месте на свете – если вот эти люди (то есть мы) не нашли и не захотели искать ничего другого, а вернулись.

Перед самым окончанием сезона, во второй половине июня, у меня случились короткие гастроли на Север: в Мурманск и Архангельск. Здорово после севера отправиться на юг... Но и попасть в июне на север здорово! Я прежде ни в Архангельске, ни в Мурманске в июне не бывал – и там, и там бывал в июле. В июне весь мой Север ограничивался Санкт-Петербургом. Я старался каждый год захватить хотя бы несколько питерских июньских суток и наслаждаться белыми ночами. Именно насладиться... Однако в последние годы, много последних лет, этими ночами хочет насладиться слишком большое количество людей. Да ещё дважды совпал с питерским экономическим форумом, когда из Санкт-Петербурга лучше бежать – от количества эскортов, VIP-персон и душного пафоса.

К тому же на белые ночи выпадает масса разнообразных весёлых мероприятий, от которых становится очень невесело.

Короче, всем, кому хочется во второй половине июня получить особое ощущение от ночей и путешествия, рекомендую поехать в Мурманск. Впечатления будут сильные. Правда, белых ночей не обещаю. Белые ночи – в Питере, в Мурманске будут солнечные ночи. Главное, чтобы с погодой повезло. Мне в этом году повезло.

Удивительно, когда яркое солнце даже не коснулось сопок, когда оно жёлтое и лучистое, как днём, а на часах уже серьёзно за полночь, при этом все магазины и учреждения закрыты, улицы безлюдны, и только редкие автомобили проезжают по городу в ночном ритме движения, но фары их, как и днём, работают в режиме габаритов. Интересно идти по совершенно пустой улице и видеть свою отчётливую тень длиной метров пятнадцать.

Что-то есть могучее даже не в северной природе и не в особенном небе, а в самом городе Мурманске. Я почувствовал это и в первый свой приезд, но теперь ощутил сильнее.

Сила города, например, проявилась в таком эпизоде. Сидели ночью в заведении и смотрели матч Россия – Южная Корея. Матч, если кто-то ещё помнит, был ночной. В заведении пришлось наглухо закрыть жалюзи, потому что солнце засвечивало экран, и ни черта не было видно, хотя смотреть было откровенно не на что. Когда матч закончился и все стали расходиться, одна посетительница спросила, как мне в Мурманске. Я сказал, что очень нравится, но совершенно запутался во времени суток, и ночью сна ни в одном глазу. Кто-то, услышав это, усмехнулся и сказал, что мне нужно в таком случае приезжать в январе, когда спать можно круглые сутки.

– А когда солнце-то зайдёт? – спросил я присутствующих.

– В августе, – услышал я весёлый ответ. – Слабó вам так жить?

– Слабó, – искренне и не задумываясь ответил я.

Сильный город!

Свозили меня в Североморск, выбили пропуск и свозили. Побывал на большом сторожевом корабле, пообедал с командиром. К обеду, узнав, что я на борту, подошли несколько офицеров из командования бригады, все младше меня. Командир по сравнению со мной вообще мальчишка. А я всё играю «Как я съел собаку» в матросском звании.

Хорошие мужики. Настоящие.

Спустился в кубрик, посмотрел на матросиков. Один год служить можно. К тому же Северный флот ходит в море, некоторые ребята успевают погонять сомалийских пиратов.

Поинтересовался у молодого офицера, каковы у матросов взаимоотношения, нет ли неуставных. Всё-таки за год невозможно превратиться в старослужащего. Офицер вздохнул и сказал, что даже те, кто пришёл дней на десять раньше, пытаются изображать из себя морских волков.

Пригласил тех, кто меня встречал, и тех, с кем обедал, на спектакль. Офицеры сами прийти не смогли, но жён своих отправили. Были признательны, по-хорошему признательны. Умеют правильно выражать свои чувства морские офицеры.

В Архангельске не был два года. В последний раз побывал по возвращении из Арктической экспедиции. За эти два года в городе успели понастроить много чудовищных сооружений. Домами или зданиями я эти строения назвать не берусь. Новые безобразные торговые центры будто схватили город за горло и душат его. Жалко. У меня какая-то особая теплота к Архангельску. И название его уж очень хорошее, и Северная Двина там могучая...

А в городе всё ни шатко ни валко. Очевидно, руководят им и застраивают его люди, которые не любят Архангельск. Наплевать им на Северную Двину, безразличен им наш Север и история города.

А вот публика в Архангельске прекрасная! Рад, что довёз им спектакль «Прощание с бумагой». Мурманчанам пока не смог его показать: декорации туда долго и трудно везти. Но довезу. Местные организаторы опасались, что люди во второй половине июня уже не пойдут в театр. Говорили, мол, северяне с начала лета стараются уехать куда подальше и где потеплее. Говорили, мол, плохо проходят гастроли летом на Севере. А у меня были аншлаги и в Мурманске, и в Архангельске! (Это я сейчас похвастался.)

В Архангельске один зритель, чьего имени я не запомнил, подарил мне две прекрасные книги: «У Архангельского города» Бориса Шергина издания 1985 года и «Поморская сага» – сборник поморской прозы.

Шергина в те времена было не достать. Все любили мультфильмы по Шергину, на слуху была фраза: «И пошли они до городу Парижу», а книжек было не достать, и почитать Шергина мне удалось уже сильно позже. Связано это чтение у меня с одним из самых прекрасных воспоминаний. Однако книжки его у меня не было. Теперь есть. И она сейчас со мной на тёплом острове, омываемом с одной стороны Ионическим морем, а с другой стороны – Адриатикой.

Особое ощущение – именно здесь читать о Северной Двине, Белом море и поморах, про которых тут люди даже и не слыхивали.

Пока делал эту запись, самая громкая цикада, которая несёт службу на оливковом дереве под окном, замолчала. Да и вечерняя прохлада уже почувствовалась и пришла.

21 июля

И хотелось бы написать о летних радостях, да не получается. Сбитый самолёт кажется сейчас предельной точкой. Но предела не видно, и переживаниям тоже не видно предела... Ужасно то, что все сразу успели обвинить друг друга. Это говорит о том, что истина в данном случае не нужна. Все как сумасшедшие трясут своими правдами, все уверены, что больше других знают и понимают. Все считают себя более остальных информированными или даже причастными...

А я решил отреагировать на переживания и события лирически. Последние два дня писал сам не пойму что: рассказ – не рассказ, эссе – не эссе. Но это моя реакция на беду со сбитым самолётом, на увиденные в новостях куски, обломки и осколки большого Боинга и летевших в нём людей.

Меня опять, наверное, а точнее – наверняка будут ругать и поливать грязью за написанное. Ну да что там! Я уже это написал. И точно не с целью кого-то обидеть или кому-то на что-то открыть глаза.

Зимой мне сделали подарок, привезли из Киева. Маленький красивый мешочек тёмно-бордового бархата. Я с благодарной улыбкой принял его. В мешочке оказался камешек, довольно острый осколок тёмного гранита. Я с недоумением повертел его в пальцах перед глазами, пожал плечами... И тогда мне весело сказали, что это осколок памятника Ленину, который стоял напротив Бессарабского рынка и который свергли с пьедестала в декабре прошлого года, а потом разбили вот на такие сувениры. Мне стало грустно. Печально...

Я знал этот памятник, много раз жил рядом с ним в гостинице и бесконечное количество раз проезжал или проходил мимо. Один раз я даже внимательно его разглядел со всех сторон.

Не красивый и не безобразный. Скорее скромный – относительно общего размера окружающих его зданий. Памятник как памятник. Ничего особенного. Может быть, немного мрачноватый из-за цвета камня.

Я хорошо помню, как в 1991 году была предпринята попытка снести памятник Ленину на площади Советов в городе Кемерово. Молодой заметный бизнесмен и политик по прозвищу Лютый (его фамилия Лютенко) ночью организовал кран и людей. Едва не своротили памятник, однако прибежали те, кто жил поблизости, долго шли препирательства, в итоге памятник устоял. Так и стоит на месте по сей день. Я тогда жалел, что не удалась попытка свержения двенадцатиметрового Ленина работы скульптора Кербеля. Очень жалел. Теперь, наоборот, я рад, что памятник стоит на месте, там, где стоял во всё время моего детства и юности. Стоит этот памятник теперь просто как архитектурный элемент площади на фоне такого же архитектурного элемента – бывшего здания обкома партии. Теперь там работает губернатор, а герб Советского Союза на фасаде прикрыт гербом России.

Кстати, кемеровский памятник Ленину курьёзный и в этом смысле уникальный: Ленин стоит в женском пальто. В смысле пальто застёгнуто на женскую сторону, точнее, запахнуто... Знающие это кемеровчане с радостью показывают сей курьёз приезжим. Достопримечательностей в городе немного, а тут такая милая деталь. Приезжие веселятся, фотографируют. Хорошо, что не сломали памятник.

Я отлично помню, что моя бабушка, будучи учительницей биологии и анатомии, заведовала всеми школьными клумбами и теплицей. У неё были просто шикарные клумбы! А в год 110-летия со дня рождения Ленина она сделала клумбу, на которой разные цветы были посажены в виде цифр 110 и букв ЛЕТ. Она победила тогда на городском конкурсе клумб, и в нашем цирке ей вручили грамоту и настольные часы. Я очень гордился.

После того как бабушка ушла на пенсию, теплица возле школы пришла в упадок. В ней курили и прятались во время уроков старшеклассники, а вечером собирались тёмные личности с округи. Они там выпивали и... даже не берусь предположить, что ещё делали. Новая молодая учительница не хотела заниматься теплицей, клумбы при ней поросли чем попало. Потом теплица сгорела. Её руины долго зарастали крапивой и засыпались мусором. Теперь там и следа нет от теплицы. А я в ней, маленький, бегал по дощатой дорожке, дышал влажным тёплым воздухом и прятался, фантазируя разные чудеса. Это было особое, таинственное пространство.

Руины теплицы были первыми в моей жизни руинами чего-то мне дорогого. С тех пор я не люблю руины. Никакие. Даже античные. Меня огорчает вид рухнувшего или брошенного

величия. Даже Парфенон я хотел бы видеть в первозданном виде. И пирамиды... Да и Венера Милосская с руками была бы для меня ещё прекраснее.

В октябрюта меня принимали в Ленинграде, там я учился в начальной школе. Приняли не сразу, не в первой волне. Я не был усердным учеником и не отличался примерным поведением. Отличников принимали первыми и на крейсере «Аврора». Торжественно! А меня так, с остальными троечниками, в рекреации первого этажа. Я переживал. Я завидовал тем, кто вернулся с «Авроры» со звёздочками. Я хотел быть октябрёнком. Мне нравился значок: звёздочка и лицо кудрявого мальчика в середине звёздочки. Я жаждал носить такую же.

Октябратские звёздочки были двух моделей: металлические и пластмассовые. Металлические были у всех подряд, а пластмассовые считались редкостью. Они самую малость меньше металлических, более остроконечные, а главное – мальчик Ленин на них иной, фотографический. Чёрно-белый. В центре пластмассовой звёздочки было углубление, а в него была вставлена маленькая фотография юного Ленина, закрытая стёклышком. Мне нравилась именно такая, но в продаже были только металлические. Где редкие счастливицы брали пластмассовые, я не знаю. У нас в классе такая была только у одного мальчика, я его запомнил исключительно благодаря той звёздочке. Он её давал поддержать, полюбоваться, но не более того. Поменять эту звёздочку хоть на что я ему не предлагал, но думал об этом. Как можно предложить что-то за октябратский значок?! Это было недопустимо, звёздочки были вне обмена. Хоть обмен всего подряд на всё что ни попадя шёл в школе активно. Звёздочка та мне очень нравилась: маленькая, алая, особенно красивая, если смотреть на неё, поднеся к солнечным лучам или к лампе, тогда она прямо светилась. И малюсенькая чёрно-белая фотография кудрявого мальчика под стёклышком... Мне дороги мои воспоминания.

Хорошо, что в смутные времена крейсер «Аврору», на котором принимали в октябрюта моих одноклассников, не порезали, не уничтожили, не сделали из него кабак и не растащили по частям на продажу. Благодаря мифическому выстрелу из носового орудия в октябре 1917 года сохранился крейсер времён Русско-японской войны, участник Цусимы. Хоть и бесславный, но всё-таки. Японцы тоже сохранили корабль той войны. Больше в мире нет таких экспонатов, даже у англичан и американцев. Теперь «Аврора» – памятник военно-морской архитектуры и мысли самого начала XX века. Очень красиво стоит этот крейсер, повезло кораблю и нам. Жаль, что броненосец «Потёмкин» не сохранился, а то бы очень он украсил Одессу. Да и «Очаков» украсил бы любую набережную. А вспоминали бы в связи с ним лейтенанта Шмидта или нет – дело десятое, теперь уже десятое.

Памятники Ленину были везде, я уже не говорю про его бюсты и бюстики, барельефы, мозаичные и живописные изображения. В любой столовой висел его портрет, почти в каждом троллейбусе или трамвае – выппел за передовую работу с его профилем. Мы не замечали большинства этих лениных, не обращали внимания на названия проспектов, улиц и площадей с его именем. Он был постоянной частью пейзажа, ландшафта, интерьера, существенной частью мира, времени, и моего детства в частности.

Он в этом детстве вызывал непостижимое восхищение, не укладывался в рамки одного человека. Слишком мудр, гениален, вездесущ и добр. Я любил Ленина как доброе божество. Любил до поры до времени. Но детство-то я своё люблю навсегда! Ленин в том моём детстве и меня любил. Благодаря бесчисленным мифам, притчам, балладам, сказкам, стишкам и песенкам я знал, что Ленин любил детей, всё делал для них и для их счастливого будущего, то есть – для меня.

У моего дедушки на столе, сколько себя помню, стояла фотография: Ленин за столом читает газету «Правда». Эта фотография с картонной подставкой периодически переключивалась со стола на телевизор или полку книжного шкафа, но всегда на видное, центральное и почётное место, и то на короткое время, если стол был нужен для торжественного застолья. Стол был раздвижной, обеденный, просто дед его использовал как рабочий. Ел дед на кухне

за маленьким столиком, а, с позволения сказать, гостиная была и кабинетом, и библиотекой, и всем прочим.

Когда дед читал – а читал он только сидя за столом, – фото читающего Ленина стояло рядом, они читали вместе. Дед бережно относился к фотографии, это было его личное, непонказное и сугубо искреннее дело.

Как-то я, маленький, взял дедова Ленина и куда-то понёс. Дед молча с улыбкой забрал его у меня, покачал головой и поставил на прежнее место. Это было сделано так, что я всё тогда почувствовал и навсегда запомнил. Очень я любил моего деда. Я люблю память о нём, он в моих воспоминаниях безупречный человек. Жаль, что дорогое ему фото пропало тогда, когда я ещё не ценил памятные детали и любил выбрасывать хлам и старьё. Сейчас бы дедушкин Ленин читал газету в моём кабинете, как просто дорогая моему деду и мне, именно в связи с дедом, вещь.

В шкодной своей юности я позволял себе серьёзную шалость и даже дерзость. Позволял её не то что без зрителей, но и без свидетелей. Я отлично понимал ту дерзость как что-то недопустимое. Оказавшись летом на центральной площади в погожий день, я любил зайти в могучую тень памятника Ленину и, когда вокруг никого не было, выставлял из тени руки так, чтобы у тени Ленина над годовой появлялись рожки. А однажды я сделал уж совсем неприличную тень. Но тут же ужаснулся своему поступку, сокрушённо устыдился и сознаюсь в содеянном только теперь. Думаю, меня тогда не одобрили бы, увидев такое, даже наши записные хулиганы и школьные сквернословы-похабники.

Все школьные годы летние каникулы я проводил у бабушки в городе Жданове, ныне Мариуполе. Бабушка, та, что не была учительницей биологии, жила рядом с Азовским морем в небольшом беленьком доме на улице Грибоедова, в районе, который местные называли Гаванью. «На Гавани», – говорили они. Этот район ещё называли Нахаловкой, потому что он был застроен без всякого плана, как кто захотел. Воду брали из колонок на улице, туалеты были те самые – деревянные, вонючие, со страшными ямами. У бабушки ещё была летняя кухня и огород. Бабушка выращивала выдающиеся помидоры. В разгар урожая она выставляла за калитку на улицу маленькую зелёную табуретку, а на неё ставила эмалированный тазик с пирамидой самых красивых и крепких помидоров. Иногда у неё эти помидоры покупали – за сущие копейки.

Помидоры я тогда не любил, но с ними меня принимали в компанию вечно пропадающих на море или лазающих по фруктовым деревьям местных пацанов. Я приносил им помидоры, краюху хлеба, и меня брали с собой даже в самые опасные места, типа реки Кальмиус или на рыбоконсервный завод, куда ходить мне было категорически запрещено.

Гавань тогда жила весьма шевелюной и особенной жизнью. Дома Гавани с одной стороны жались к железной дороге, с другой сползали в море, а с третьей упирались в стену рыбзавода, за которым текла глубокая, тёмная и жутко грязная река Кальмиус.

Рыбзавод сильно вонял, в Кальмиусе была вся таблица Менделеева, а море у Гавани было таким мутным и замусоренным, что страшно вспоминать. Но завод шумел, на нём работала и воровала с него рыбу добрая половина Гавани, а Кальмиус кишел ржавыми, но шустрыми траулерами, которые в него заходили из моря, швартовались и сдавали улов на завод.

На Гавани было три маленьких пляжа, по сути – кусочки свободного от строений, нагромождения искорёженных металлоконструкций и камней песчаного берега. На этих пляжах проходила вся летняя жизнь. Кто-то жил у самого моря, кому-то надо было идти минут пять, кому-то десять. Но гаванские люди, приехавшие к ним родственники и квартиранты, для которых и такое море было в радость, собирались на пляж каждый раз как на длительный пикник, то есть с едой на завтрак, обед и ужин, с бадминтоном, шашками-шахматами, колодами карт, газетами, книгами, рукоделием и прочим. Пляжи были замусорены до невозможности, а в море

плавало столько всего, что трудно было в отдельные дни пересилить себя и шагнуть в прибой, в котором арбузные корки и медузы были самыми невинными ингредиентами.

В том море я научился плавать и нырять, ловить руками и есть живьём шустрых креветок, доставать из ржавых труб и утопленных автомобильных покрышек чёрных бычков-кочегаров. На том море получил я свои самые сильные переживания по поводу рыбалки. Там я видел лодки браконьеров, ночью они подходили к пляжам, а местные тётки забирали у них улов: осетров, судаков, камбалу, – чтобы уже утром продать на базаре из-под полы.

У того моря я был впервые сильно увлечён девочкой. Мне было тринадцать. Ей, думаю, около того. Юлия Костенко ходила на море одна. Я знал куда и ошивался там как бы случайно. Я знал, где она живёт, и частенько вечером слонялся возле её домика. Мечтал пригласить её в кино в Дом культуры рыбзавода (местные называли его клуб «Бычок»). Но так и не решился. Отважился только взять у неё адрес и всю осень, зиму и весну писал ей письма. Она ответила несколько раз. Помню очаровательный её круглый почерк и большое количество очаровательных же ошибок. На следующее лето у неё появился парень из центра города, старше и существенно больше меня.

В клубе «Бычок» каждый день крутили новое кино, точнее старое, но каждый день другое. Рукописную афишу с репертуаром на ближайшие три дня вешали у входа в клуб и на улице рядом с бабушкиным домом. Сеанс был только один – 19.00. На индийские фильмы случались аншлаги. Все шли с газетными кулёчками семечек, плевали на пол. В клубе было прохладно и хорошо. Там я посмотрел все хиты индийского кино семидесятых, все фильмы про Анжелику, всё про Зорро, все серии Синдбада, а также всё про басмачей, гайдуков, Фантомаса, видел всех югославско-гэдээровских индейцев с ковбоями... Раз десять за несколько лет посмотрел Клеопатру с Элизабет Тэйлор. Про мелодрамы и производственные ленты вспоминать не хочу.

В город с бабушкой мы выбирались не часто, только в магазин или настоящий кинотеатр. Парикмахерская и маленькие лавчонки были на самой Гавани. Город Жданов я любил. В нём везде продавалось мороженое, газированная вода (ситро), квас и прочее. В Жданове было много роскошных роз, очень много. Несмотря на страшное окружение гигантских металлургических заводов и жуткую экологию, Жданов летом производил впечатление вполне радостного южного приморского города. Мне нравился парк в центре, нравился драмтеатр, точно такой же, как в Кемерово... Страшноватый памятник Жданову не пугал, а местный Ленин по сравнению с кемеровским был даже милым.

Мне нравилось одному ходить в город. Я любил с жары, доев мороженое, зайти в центральный ждановский книжный магазин. Он назывался по-украински, кажется, «Світоч» (или «Светоч»). Там всегда было тихо, прохладно и торжественно. Людей, в отличие от кинотеатра, рынка и универсама, совсем не было, а главное – было очень много книг, красивых, в хороших переплётах. Запах в магазине был волшебный, волнующий. Я разглядывал книги, трогал, гладил, листал, нюхал. Тогда в стране за книгами давились, стояли в ночных очередях на подписки, сдавали макулатуру, чтобы иметь возможность купить серый том Дюма. А тут были Вальтер Скотт, Майн Рид, Фенимор Купер... Книги были на украинском языке, я не мог их читать. Но это были книги! Я листал их, разглядывал иллюстрации. Один раз даже не выдержал и купил Герберта Уэллса. Пытался читать – не получилось. Но книга была красивая.

Несколько раз бабушка раздобывала на рыбоконсервном заводе путёвку в пансионат в селе Ялта на Азовском море. Туда мы ездили с родителями. Пансионат был маленький и бедненький, но это был пансионат! И море там было другое, и жизнь... В той Ялте отдыхали донбасские шахтёры – богатые люди. Шахтёрские пансионаты горели вечером огнями, гремели музыкой танцплощадок. В глубь пансионатов уходили роскошные аллеи, а там были рестораны, красивые колоннады, открытые бесплатные, для проживающих, кинотеатры. Туда с улицы не пускали. Мы с родителями прогуливались вдоль этих вожаделенных чертогов, заглядывали в их глубины и фантазировали те радости, которые были доступны богатым и особым людям из

шахтёрского мира. Даже кафе «Де Пари» в Монако так не будоражило мои фантазии, как те пансионаты.

Однажды мы с родителями съездили в Милекино на лучшие азовские пляжи. Мне долго казалось, что лучшего моря в мире быть не может.

В те же годы я несколько раз побывал в Донецке. Я мечтал попасть в этот город, потому что в Донецке делали лучших в СССР солдатиков. Это были чудесные солдатики: индейцы, ковбои, пираты, викинги, римские легионеры. Они были пластмассовые, одноцветные, но объёмные и очень подробно сделанные. Они были невероятно ценны в Кемерово. Да где угодно! А в Донецке их можно было купить в магазине. Город мечты!

Донецк тогда порастил меня богатством, чистотой и какой-то обильностью. Обилие было на улицах, а главное – обилие было дома и на столе у тех, к кому мы приехали. Это было даже не обилие, а изобилие. В Донецке было тоже очень много роз... Мне запомнились громкие, часто толстые люди, сверкающие золотыми зубами улыбок. Золотые зубы были признаком настоящего достатка.

Однако из азовской Ялты и из Донецка я с радостью возвращался на Гавань, к бабушке. Там было моё свободное, пацанское удалое детство. Там я был ловкий, дочерна загорелый, тощий и счастливый.

Теперь этого мира нет. Нет бабушкиного дома. Снесён. На его месте зияет пустырь. И её идеального огорода нет. А это был образец более чем европейского порядка, чистоты и процветания. Не шумит и не воняет рыбзавод. Нет траулеров на Кальмиусе, который от шлаковых вод с металлургического комбината стал ещё грязнее. Жизнь на Гавани завяла, большинство домов пустует. Зброшен и покосился клуб «Бычок», нет парикмахерской, лавки давно закрыты. Улица Грибоедова умерла. А в городе Мариуполе на знакомых мне улицах погибали люди.

Я приезжал в Мариуполь больше года назад, попытался найти домик, в котором жила Юлия Костенко. Не нашёл. Переулок, по которому мимо её домика проходил много раз, нашёл, а сам домик не узнал. Все дома безлюдные, который тот самый, понять не смог. Весь мир моего летнего детства теперь руина, безобразная и отталкивающая, как разрушенный гнилой зуб. Нет теперь пейзажа и ландшафта моего детства. Исчезла какая-то основа, какой-то глубинный и базовый пласт.

Когда спустя двадцать лет после службы я побывал на Русском острове и увидел руины «Школы оружия Тихоокеанского флота», то есть той учебки, где прошли первые, самые страшные недели и месяцы моей службы, где мне было плохо, страшно, унижительно и беспросветно, как не было нигде, – я всё равно не был рад. Я взял с тех развалин кирпич, храню зачем-то. Кирпич старый, ещё дореволюционный, сделанный на века.

Я живу меньше полувека, а уже так много руин, которые я помню живыми домами...

Как беззащитны оказываются камни! Даже гранит памятников.

Мне было лет десять-одиннадцать, когда с бабушкой – не той, что жила в Жданове, а той, что была учительницей биологии, – мы осенью оказались в Москве. Бабушка повела меня на Красную площадь. Там мы встали в очередь в мавзолей Ленина. Очередь шла медленно и была огромной. Я устал и весь измаялся, к тому же замёрз. Бог знает, сколько мы провели в той очереди, но вот и мы вышли напрямую к мавзолею, уже увидел я вход, втягивающий в себя очередь, увидел солдат караула у входа, и вдруг до меня дошло, что вскоре я увижу – не Ленина, а мёртвого человека. Мертвеца. Я очень резко и сильно это осознал, испугался, ощутил отвращение и жуть. Я понял, что не хочу туда. Не хочу категорически – и не пойду! Я заявил об этом бабушке. Она не захотела слушать мои глупости, не поняла меня. Тогда, неожиданно для всех и даже для самого себя, я попросту сел на мостовую и сказал, что не пойду. Сказал это так, что бабушка сразу всё поняла и скорее увела меня прочь, сгорая от стыда и обиды. Она не бывала в мавзолее. Так и не побывала, как и я.

Помню все эти баталии по поводу захоронения Ленина, мол, надо упокоить его останки, и, возможно, жизнь наладится. Кто-то кричал, что это азиатчина и мракобесие, мол, как не стыдно выставлять и хранить мумию в центре Москвы... Я тоже рьяно участвовал в этих дискуссиях. Был уверен, что Ленина надо как минимум похоронить, а лучше бы развеять и уничтожить его прах, чтобы и следа не осталось.

А теперь рад, что стоит мавзолей на месте, и мумия на месте. Я представить себе не могу Красную площадь без мавзолея. Я даже не понимаю, красивый он или не красивый, этот мавзолей. Он для меня какой-то обязательный. Он на своём месте для меня был всегда. Так что даже не берусь судить о его архитектурных достоинствах, он – часть незыблемого пейзажа. Без него будет что-то зиять или торчать...

Чем дальше, тем сильнее я начинаю ценить то, что является незыблемым, но при этом остаётся для кого-то живым.

Я живу в Калининграде уже шестнадцать лет. Я вижу, как ценят, и сам ценю всё то, что осталось в весьма разрозненном и часто ущербном виде от города Кёнигсберга. Всё то, что когда-то не сломали, не разбили и не уничтожили те, кто брал город. А тем, кто его брал, хотелось уничтожать, им хотелось разбивать надгробия с готическими надписями, сбивать барельефы, ломать памятники. Их можно понять. Это же были надгробия и памятники немцам. Пусть эти немцы были не кайзеры и полководцы, а учёные, строители или музыканты. Шиллера и Канта пощадили. А скольких разбили! Теперь и кайзеров жалко, и полководцев бывших времён. Красивые были памятники. Снесли, сломали, разбили. Город Калининград теперь мучительно и часто бессмысленно ищет своё новое лицо... И надо видеть лица пожилых немцев, которые приезжают в город своего детства и не находят его.

Памятник сносит и разбивает только толпа. Перемещают или демонтируют памятники инженеры, рабочие и техники, руководствуясь целым рядом принятых решений, а сносит толпа! (Даже если это памятник какому-нибудь фюреру. Просто памятники фюрерам стоят недолго, поэтому не о них и речь.)

В момент крушения памятника исчезает для кого-то важная, привычная, возможно, любимая или наоборот, но привычная часть пейзажа. Точнее – привычный пейзаж исчезает, уходит основа. Этого не осознаёт человек, жаждущий что-то сломать.

Человек, ломающий памятник, признал его виновным в той жизни, которая кажется человеку плохой и несправедливой. И он ломает памятник, ломает пейзаж, рушит основу.

Потом немедленно хочет на место снесённого поставить другой памятник. Придумывает героя... Но я не об этом. Это отдельная тема.

Когда ставили памятник Петру Великому работы Церетели в Москве, много голосов было против! Это были разумные и сильные голоса. Мой скромный голос тоже был в этом хоре. Мы не хотели этого монстра, мы негодовали. Помимо непомерных размеров и безобразия самого монумента в этом памятнике было много другого. В нём было и кумовство, и барство властей, и катастрофическое отсутствие вкуса, и дикость девяностых годов, в которые памятник был отлит. Это был памятник тёмной наглости и несправедливости. Но его установили – вопреки всем протестам. Его хотелось взорвать, уничтожить, испепелить.

Но вот он стоит уже семнадцать лет. И теперь я был бы тем, кто встал бы на его защиту. Почему? Да потому что он успел попасть во многие семейные фотоальбомы, на его фоне снято много свадеб, он нравится детям, особенно мальчикам... Я сам это видел.

Он пустил корни, памятник, врос не в дно Москвы-реки, а в чью-то жизнь, в чей-то пейзаж. Пётр I Церетели – конечно, памятник безумию девяностых, а это время должно быть как-то отмечено.

Когда люди в Киеве весело сбрасывали с постамента Ленина, осколок которого мне передали в подарок, они были уверены, что уничтожают символ несвободы, угнетения и тёмного

прошлого. Они не видели этот памятник в своей новой, наступающей жизни. Их можно понять. Я их понимаю.

И город Жданов надо было переименовать. Точнее, вернуть былое имя – Мариуполь.

Но прежнего Мариуполя на тот момент уже не было, того, который когда-то называли Ждановым...

Сменили название – сменились герои. Появился Ринат Ахметов с его шатией-братией. Появилось чудовище – Янукович. А металлурги и шахтёры перестали быть богатыми и зажиточными мужиками, солью земли и гордостью. В Мариуполе не стало роскошных роз, умер рыбоконсервный завод, умерла Гавань, а на улицах города пролилась кровь, много крови.

Сбросили памятник с пьедестала, разбили на маленькие кусочки. Сделали это и не поняли, что сразу оказались в другом Киеве. До того как памятник Ленину поставили, это был тоже другой Киев. Но не тот, в котором памятник сломали. Когда сбрасывали памятник с постамента, люди не понимали, что задела глубинные пласты, что неизбежен тектонический сдвиг. Они, конечно, не могли тогда этого понять и знать. Но теперь-то знают!

Нет и не будет прежнего Киева, нет и не будет прежней Украины, нет и не будет целых городов и посёлков, нет и не будет прежнего мира. Нет и не будет прежней земли моего летнего детства.

Как беззащитна и нежна история! Как легко ломать её памятники и вырывать из неё страницы, как легко её переписывать! Как хрупки камни её монументов!

Беззащитные памятники...

И как безжалостна та же история к тем, кто ломает её камни и рвёт её страницы! Точнее, не безжалостна – беспощадна.

Вот и в том кусочке гранита, привезённом мне из Киева, уже много свежих руин.

24 июля

Вот интервью, которое я дал в Питере 11 июля. Разговор получился несколько сумбурным, но мне он был интересен. И вопросы, заданные журналистом, были неожиданно существенны. Рад был попытаться на них ответить. Может, и вам будет любопытно эти вопросы и ответы прочесть.

Сергей Кумыш: Евгений Валерьевич, как мне кажется, ваше творчество можно разделить на два условных направления. В тех случаях, когда вы пишете о себе или же когда за главным героем угадывается ваша личность, читатель видит мир глазами героя. В текстах, где центральный персонаж вымышлен, подсмотрен или же отстоит от вас как от автора на определённой дистанции, главный герой раскрывается в первую очередь через собственное окружение. Эта разница в повествовательной манере – она умышленна?

Евгений Гришковец: Конечно. Разница не просто умышленна, тут не может быть по-другому. В частности, именно с этим связано то, что аудиокниги, которые я начитал, были сделаны только по тем произведениям, которые можно назвать автобиографическими. Всю остальную прозу я не только сам отказываюсь начитывать, но и запрещаю ее к исполнению и выпуску в формате аудиокниг, поскольку полагаю, что это должно быть прочитано своими глазами, а главное – «прослушано» собственным голосом. Там взгляд на человека, способ изучения мира совершенно иной. Например, повесть «Непойманный» из нового сборника. Многие куски в этом тексте написаны репортажно, где мы за героем наблюдаем буквально в режиме репортажа – с отдельными прорывами в его предполагаемые внутренние переживания и размышления. Так что да, это осознанно делается, вы правы.

Кумыш: В повести «Непойманный» вы используете совершенно нетипичный для вас язык: мир вокруг героя как бы нарочно выбелен, описательные подробности практически

отсутствуют. Например, главный герой, Вадим, приходит к своему другу, и вы пишете, что у этого друга «огромный дом». Потом мы узнаём, что там ещё есть терраса и гараж – и это всё, что мы узнаем о доме, он вообще почти лишен внешних признаков. Постоянный, целенаправленный расфокус.

Гришковец: Для меня правильное название «Непойманного» – «Повесть, не ставшая романом». В какой-то момент я понял, что эти вполне романские сюжет и идея не должны стать романом. Это должна быть именно повесть. Эти герои недостаточно крупны для того, чтобы стать героями романа. Вся история недостаточно крупна для романа. А соответственно и то, что пьёт или что ест герой или каков его дом, – тоже несущественно. Для повести это несущественно. Эти люди – не такие существенные. И при этом мы можем только догадываться, что происходит с героем, который у нас в итоге погибает. Вот он более подробно описан, как некая жертва; хотя глазами Вадима, но там очень много деталей. Конечно, мне хотелось сделать такую прозу. Это, кстати, совпадает с художественной тенденцией, которой стали следовать некоторые современные кинорежиссёры. Они убирают многоцветие, переводят свои фильмы в какую-то одну коричневатую гамму; почти нет солнечного света, всё происходит вечером или ночью. В центре внимания – герой, все остальное размыто, несущественно. В частности, что ещё мне нужно было сделать совершенно точно, – в повести нет ни одного матерного слова. Это было абсолютно сознательное решение – в сторону художественного. Два центральных диалога между Вадимом и его другом Борисом, конечно, не могли происходить без мата, это понятно; это люди такого поколения, такой судьбы. Они из провинциального города, в конце концов. Но именно в пользу точности смыслов делался особый, «очищенный» способ высказывания. Для меня настолько важное событие эта книжка: я понимаю, что сделал то, что мне несвойственно, при этом своим методом. Она произросла из предыдущих моих работ, долго и трудно мне давалась, и я воспринимаю этот текст как большую победу, победу над собственными стереотипами. Я же знаю, чего люди от меня ждут. Но я делал это не в пику всеобщим ожиданиям, а сознавая художественную необходимость именно такого способа высказывания. Вот ещё что: почему сборник «Боль» состоит из трёх произведений, почему там ещё два рассказа. Было важно уравновесить текст повести лёгкой, невесомой прозой, которая вся состоит из сплошных деталей, особенно рассказ «Палец», он же как кружева сделан, из мельчайших деталей и подробностей. И чтобы книга вместе с повестью не обрывалась, чтобы финал не был таким резким. Чтобы человек, когда берёт в руки книгу, когда доходит до середины, видел, что ему ещё много читать, что там ещё что-то будет происходить. Это, кстати сказать, восприятие именно бумажной книги, электронная версия уже этого ощущения не даст.

Кумьши: В ваших произведениях стала настойчиво звучать тема страха. Новая книга во многом этому посвящена. Об этом, в частности, вы говорите и в спектакле «Прощание с бумагой». Даже в совместном вашем альбоме с «Мгзавреби» это есть. Новый лейтмотив страха, новая интонация связаны с необходимостью именно сегодня говорить об определённых вещах?

Гришковец: Сейчас общество живёт в страхе. Я хорошо помню, как в 2006 году я убеждённо говорил, что мы – сорокалетние – первое поколение людей, родившихся в России в двадцатом веке, у которых есть шанс встретить благополучную и спокойную старость. Сейчас об этом можно вспоминать только как об очень наивном высказывании. А ещё я осознал одну простую вещь. Я родился в 1967-м, в начале года – феврале. В конце 1966-го родился трёхмиллиардный житель планеты. Я не прожил и полувека, но за это время население Земли удвоилось, а потом перевалило за семь миллиардов. Я всего этого боюсь. Я этого не понимаю совершенно. В Европе то же самое. Их двойные стандарты – они от непонимания того, что происходит. Раньше они ходили вот по этой улице Парижа, и было так: здесь они покупали газету, а здесь покупали круассан. Теперь в том месте, где раньше продавались газеты, новый магазин, где стоит арабский человек, который за это время откуда-то приехал или уже родился в Париже. А в том месте, где продавался круассан, человек из Турции продаёт банан... Человечество сей-

час убеждено в том, что оно развивается. А человек развивается только от рождения к смерти. Наши с вами поколения наблюдали появление цифровых систем, интернета и победы этого всего. И это страшным образом перекроило нашу жизнь, мы не понимаем, что происходит. Нет ничего, за что можно было бы взяться, удержаться и ощущать это как жизненный стержень. Обратите внимание: сейчас в России не осталось людей, которые ощущались бы «людьми из незапамятных времён», какого-нибудь академика Лихачёва, который родился ещё до революции, был на Соловках. Распалась связь времён. Я сейчас, может быть, скажу крамольную вещь, но советское время, по которому я совершенно не скучаю, было гораздо более христианским, православным, чем всё то, что происходит сейчас. Если мы вспомним книгу, которую все в детстве читали, но не любили, «Как закалялась сталь» Островского, – это же, по сути, житие святого. Было представление о том, что нужно трудиться, порой мучительно, и в этом случае будет что-то. Настрой на саморазвитие, на страдание, но страдание совместное, – это поддерживало очень. Общество было гораздо более целомудренным, чем сейчас. И благодаря этому «общественному целомудрию» как раз было не страшно. Сейчас же всё перепуталось. Люди, которые творят бесчинства, ревностно соблюдают пост. Но при этом чаще всего в качестве диеты. После поста страшно веселятся. И всё время боятся, боятся. Им не на что опереться, совсем – ни в России, ни в целом мире. Человечество стало больше думать о смерти. Опять же не в христианском смысле, а как о непонятном, непостижимом конце всего. На самом деле то количество смертей, которое мы сейчас встречаем в литературе и на экране, – это тоже некая современная борьба со страхом смерти. И вездесущий чёрный юмор – попытка закрыть глаза на собственные страхи.

Кумьши: Художественные приёмы, которые вы используете в книге «Боль», во многом новы не только для вас, но и для современной русской прозы в целом. В одном телеинтервью, примерно год назад, вы сказали, что не ощущаете себя частью российского литературного контекста...

Гришковец: Я себя ощущаю очень одиноко в литературном контексте России. Предполагаю, что в сборнике «Следы на мне» и в новой книге в особенности, я продолжаю некую социалистическую – в лучшем смысле этого слова – традицию. Ориентируюсь сейчас на Астафьева. Полагаю, что он крупнейший литератор того периода. И вижу, что природного интереса к подобной литературе у сегодняшних авторов нет. Я хорошо понимаю, что ко мне в русском литературном сообществе относятся крайне несерьёзно и не считают меня литератором. Мои книги не попадают в списки бестселлеров. Хотя, если за первые два месяца продано 25 тысяч экземпляров, а в электронном виде скачано больше ста тысяч, это, разумеется, бестселлер. И поскольку я нахожусь между некими контекстами, меня гораздо удобнее вообще оттуда выбросить и не относиться ко мне серьёзно.

Кумьши: Приведённые вами цифры говорят о безусловном читательском интересе, о том, что книгу ждали. То есть читатели вас в этот контекст вписывают... У меня ещё был вопрос по поводу альбома с группой «Мгзавреби». Этот новый проект – он ощущается вами как литературная работа?

Гришковец: Да. Я настаиваю на том, что я никакой не артист, никакой, конечно, не музыкант. Я писатель, который всё время занимается писательской работой. В отдельных случаях – писатель, выступающий на сцене со спектаклями, и писатель, выступающий с музыкальным коллективом где-то в клубе. Но, разумеется, это писательская работа – в определённых условиях, других, с чётким пониманием, какой здесь адрес, какой способ высказывания. При этом совершенно необходимо осознавать – и мне, и той публике, которая хочет это воспринимать, – что я автор. Если бы я был просто исполнителем чужого текста, никто бы не стал это слушать. И в театр бы никто не пошёл на меня смотреть, это совершенно точно.

Кумьши: На вас как на писателя совместное творчество с Гиги повлияло? (Гиги Дедала-машишвили, фронтмен и автор песен группы «Мгзавреби». – С. К.)

Гришковец: Нет. Определённо нет. Как для «Мгзавреби», так и для меня, этот проект является чем-то отдельным. Гиги тоже внятно это осознал после того, как мы записали альбом. Музыкальная составляющая – аранжировки, мелодика, звучание – отличаются от того, как они работают сами, без меня. Сама эта встреча отдельная и проходит на какой-то сокровенной территории.

Кумьши: Вы много лет работали с группой «Бигуди». Теперь вот «Мгзавреби». В случае с «Бигуди», как мне кажется, всё-таки ощущалось, что текст играет определяющую роль. С «Мгзавреби» несколько иная история: текст и музыку вообще не «разлепить», одно как будто вырастает из другого, перемешивается. Но это частное мнение. У вас у самого какие ощущения от двух этих проектов?

Гришковец: «Бигуди» в том виде, в каком они работали со мной, не были вполне самостоятельным коллективом. Под конец уже это были только сессионные музыканты и автор идеи, Максим Сергеев, который прекрасно знал, что именно нужно делать: мы очень хорошо знали друг друга. И это был такой коллектив, где тексты – да, имели большое значение, но музыка тоже развивалась и дошла до какого-то предела, когда было уже ясно, что развивать больше нечего, потому что дальше я уже должен был запеть. Под конец это уже были песни – с куплетами, припевом и т. д. Кстати, почему меня пригласили «Мгзавреби» – они послушали наше творчество с «Бигуди» и понимали, что такое возможно. «Мгзавреби» – это самостоятельное явление, самобытный коллектив, который развивается параллельно. И этот наш совместный проект развитию группы ничего не сообщает. Мне как писателю – тоже. Это просто очень приятное дело. Как такое, знаете, совместное застолье с грузинами. Да и сами тексты – как бы тосты, которые можно произнести во время грузинского застолья. Это была моя попытка услышать не только Гиги как музыканта, «Мгзавреби» как музыкантов, но ещё и грузинскую культуру, и на неё каким-то образом отреагировать. Чтобы это было органично. А они уже постарались сделать более лирическую, более «взрослую» музыку в контакте со мной. Потому что их самостоятельные произведения более зажигательные, подвижные. Это совершенно отдельное дело, которое, может быть, не будет иметь продолжения. Мы не уверены, что у нас будет второй альбом. Мы хотим ещё записать сейчас пару песен, которые за это время появились, и они будут скорее синглами, дополняющими первый альбом. Но мне очень нравится это делать, очень. Я хотел снова в клуб, я снова хотел играть, мне очень симпатичны грузины в целом, а группа «Мгзавреби» – особенно. Это взаимное удовольствие, в результате которого появился альбом. У этого не будет такой истории, какая была с «Бигуди». С ними мы проработали десять лет, отыграли сотни концертов, пару сотен – точно, выпустили четыре альбома. За десять лет у нас возникла своя аудитория именно на этом, мелодекламационном материале. И я могу с уверенностью сказать, что в мире ничего подобного нет. Что-то похожее делали Макларен, Джон Кейл, Баз Лурман, но это были единичные случаи. К сожалению, в российском контексте люди мало внимания уделяют музыкальной составляющей, многие просто слушают слова. Поэтому многие могли бы сказать, что там вообще музыка не нужна – вышел бы да и рассказал вот эти тексты, мы так же бы порадовались, не нужно было этих всех инструментов, электроники и прочего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.